

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИИ ПО ПРОЕКТАМ РЕФОРМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ НА СОБРАНИИ НОТАБЛЕЙ 1787 ГОДА

© 2021

Куцева Е.А.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена позиции французской аристократии относительно проектов генерального контролера финансов Калонна, представленных для обсуждения на собрании нотаблей 1787 г. Дефицит бюджета к концу 80-х гг. XVIII века превышал 80 млн ливров в год, страна была на пороге экономического кризиса. Генеральный контролер финансов Калонн предложил королю созвать в 1787 г. собрание нотаблей – видных представителей французской нации – для одобрения плана правительственных реформ. Хотя в собрании входили нотабли от трех сословий королевства, важную роль играла аристократия, широко представленная в нем. Титулованное французское дворянство в конце Старого порядка по-прежнему сохраняло влияние в государстве благодаря своему экономическому положению, социальному статусу и должностям при дворе, в армии и в государственном аппарате. Собрание нотаблей не имело законодательной силы, но Калонн убедил короля, что одобренный собранием план реформ позволит сломить сопротивление парламентов и получить одобрение всего общества. Представленные реформы затрагивали интересы привилегированных сословий, но правительство рассчитывало, что нотабли примут предложения и проголосуют за реформы; этому способствовало, по мнению Калонна, следующее: огромный дефицит бюджета, просветительские идеи о равенстве, озвученные ранее проекты физиократов и выбранный состав нотаблей, многие из которых занимали либеральные и проправительственные позиции. Нотабли выдвинули свои предложения по налогообложению и созданию провинциальных собраний и высказали идею о созыве Генеральных штатов – как органа, компетентного принимать такие значимые для французского общества реформы.

Ключевые слова: позиция французской аристократии; собрание нотаблей 1787 г.; нотабли; высшее дворянство; генеральный контролер финансов Калонн; правительственные реформы; план Калонна; дефицит бюджета; всеобщий поземельный налог; провинциальные собрания; конец Старого порядка во Франции; Франция в конце XVIII века; созыв Генеральных штатов в 1789 г.

THE POSITION OF THE FRENCH ARISTOCRACY ON THE REFORM PROJECTS PRESENTED AT THE ASSEMBLY OF NOTABLES IN 1787

© 2021

Koutseva E.A.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the position of the French aristocracy regarding the projects of the Controller General of Finance Calonne, presented for discussion at the Assembly of notables in 1787. The budget deficit by the end of the 80s of 18th century reached over 80 million livres a year, the country was on the verge of an economic crisis. The Controller General of Finance Calonne proposed to the king to convene in 1787 an Assembly of notables, prominent representatives of the French nation, to approve a plan of government reforms. Although the Assembly included notables from the three estates of the kingdom, the aristocracy, which was widely represented in it, played an important role. The titled French nobility at the end of the Old Order still retained influence in the state, thanks to their economic position, social status and positions at court, in the army and in the state apparatus. The Assembly of notables had no legislative force, but Calonne convinced the king that the reform plan approved by the assembly would break the resistance of parliaments and gain the approval of the whole society. The presented reforms affected the interests of the privileged estates, but the government expected that the notables would accept the proposals and vote for the reforms, which according to Calonne contributed to the huge budget deficit, educational ideas about equality, physiocrats' projects announced earlier and the chosen composition of notables, many of which were occupied by liberal and pro-government position. The Notables put forward their ideas on taxation and the creation of provincial assemblies and expressed the idea of convening the States General as a body competent to adopt such significant reforms for French society.

Keywords: position of the French aristocracy; Assembly of notables in 1787; notables; higher nobility; Controller General of Finance Calonne; government reforms; Calonne's plan; budget deficit; general land tax; provincial assemblies; end of the Old Order in France; France at the end of the 18th century; convening the States General in 1789.

Собрание нотаблей являлось важным событием как в жизни всей Франции, так и отдельных сословий, здесь остро проявились конфликты и вопросы, зревшие в обществе на протяжении десятилетий, а также позиции различных общественных групп. Высшее дворянство было широко представлено в Собрании, его мнение на предлагаемые правительством реформы было значимым, так как отражало и

узкосословные интересы высших сословий, и общие для всего общества идеи.

Изучение Собрания нотаблей и проектов, представленных на нем, началось еще в XIX в. Многие историки относили созыв нотаблей к кризисным явлениям в стране и предтече Революции [1, с. 223; 2, с. 399–400; 3, с. 108; 4]. Уже в 20-е гг. XX в. французский историк А. Матьез именно с собрания но-

таблей начинает Революцию, считая 1787 г. началом первого периода Французской революции [5]. Во второй половине XX в. идет детальное изучение событий конца Старого порядка, пишутся труды Ж. Эгрэ [6] и Р.Е. Мунье [7], посвященные событиям 80-х гг. XVIII в. во Франции. В 60–70-е гг. появляются работы по исторической социологии, в которых анализируются схожие события и процессы разных периодов и народов. Так, в исследованиях Т. Скотчпол [8], Ч. Тилли [9] и М. Манна [10] показана трансформация общественных процессов в конце Старого порядка во Франции. Появляются исследования, посвященные собранию нотаблей 1787 г., в частности работы Вивьен Грудер, в которых она рассматривает взаимодействие королевской власти и нотаблей, требования сторон и конечные решения [11; 12]. В 90-х гг. XX в. и в начале 2000-х выходят работы, рассматривающие проблемы Французской революции и конца Старого порядка во Франции. В монографиях Джона Хардмана [13], Чарлза Валтона [14], Томаса Кайзера [15] рассматриваются политические и социальные процессы во Франции кануна Революции. Повседневной жизни Франции накануне и в годы революции посвящено исследование Джеймса Андерсена [16]. В обобщающем труде Оксфордского университета о Французской революции выделяется предыстория революции [17]. Коллективный труд французских ученых посвящен новому пониманию событий Французской революции и ее причин [18]. Работа Оливера Конкара выявляет новые подходы к революции во Франции, рассматривает и события кануна 1789 г. [19].

В отечественной историографии изучение Революции началось в XIX в., рассматривались события кануна революции 1789 г., в частности собрание нотаблей [20, с. 453]. Собрание нотаблей конца Старого порядка изучались Е.И. Лебедевой, она дала оценку заседаниям ассамблеи и парламентской оппозиции 1787–1788 гг. [21; 22]. В современной отечественной историографии нет специальных трудов, посвященных позиции аристократов, представленных на собрании нотаблей, но она отчасти рассматривается в работах, посвященных концу Старого порядка и Революции, в частности в работах Л.И. Пименовой [23; 24] и Блуменау [25]. Положение аристократии и ее роль в обществе в конце Старого порядка являлось темой диссертационного исследования автора статьи, в нем рассматривались вопросы правительственных реформ 1787–1788 гг. и взгляды высшего дворянства Франции на эти реформы [26]. В обобщающем исследовании Д.Ю. Бovyкина и А.В. Чудинова по Французской революции реформам Калонна посвящен отдельный параграф [27]. Таким образом, в отечественной историографии изучались итоговые решения собрания нотаблей, приведшие к созыву Генеральных штатов, и практически не рассматривались события в движении, от начала созыва до его роспуска. Отчасти показывались позиции бюро нотаблей по ряду вопросов.

В статье будет проанализирована позиция французской аристократии по отношению к правительственным реформам Калонна, представлен список представителей высшего дворянства, призванных королем в собрание нотаблей, и показано решение бюро нотаблей по конкретным вопросам, приведшим Францию к созыву Генеральных штатов в 1789 г.

Конец Старого порядка во Франции отмечен финансовым кризисом и ростом дефицита бюджета.

Войны второй половины XVIII в., в которых участвовала Франция – Семилетняя война и война за независимость США, – имели катастрофические последствия для французского бюджета. Проблемы дефицита королевская администрация пыталась решать несколькими способами: 1) попытками провести налоговые реформы и ввести новый налог на землю, но они наталкивались на сопротивление парламентов Франции, которые, ссылаясь на защиту общественных интересов, не давали реализовать эти идеи в жизнь; 2) займами – в частности, Ж. Неккер вместо введения непопулярных экстраординарных налогов на покрытие военных расходов, достигших огромной суммы 1 млрд ливров, стал брать займы у швейцарских и голландских банкиров [27, с. 21]. Займы и до этого использовались правительством, но они были внутринациональные, брались у французских финансистов. И раньше во Франции были финансовые проблемы и нехватка средств, например, в конце правления Людовика XIV, но ситуация решалась в пользу казны, занятые у финансистов средства не отдавались и таким образом ситуация разрешалась. Во Франции существовал механизм проверки деятельности финансистов, в тяжелые для монархии время королевская власть могла устраивать экстраординарный суд – «Палату правосудия», то есть процесс проверки деятельности финансистов, в результате которых выискивались их прегрешения, все долги государства в результате списывались и принудительно изымались большие суммы в казну. Таким образом, именно за счет финансистов и решались проблемы дефицита. Такой механизм был еще возможен до начала XVIII в. Как пишет Т. Скотчпол, общественная ситуация в XVIII в. начинает меняться. Французские финансисты из зависимых от государства людей, которых возможно было подвергнуть «Палате правосудия», превращаются в сплоченное сословие, имеющее поддержку и связи у дворянства и парламентов Франции [8, с. 125–126]. Такой спасительный механизм для французской монархии перестал действовать, и в период огромного дефицита бюджета в 80-е гг. XVIII в. королевская администрация и решила обратиться к собранию нотаблей с проектом реформ.

Чтобы поправить финансовое положение, Генеральный контролер финансов Ш.А. де Калонн в августе 1786 г. выдвигает план «всеобъемлющих реформ», говоря «о необходимости спасения государства, предупреждения его гибели». Он предложил распродать земли королевского домена и ввести «территориальную подать», которую платили бы земельные собственники всех сословий. Налог должны были платить все, и его размер зависел от количества земли. Остальные старые сословные налоги сохранялись, но должны были быть усовершенствованы и, таким образом, облегчены для третьего сословия. Вместе с тем в ряде провинций увеличивались косвенные налоги, и по всей стране значительно расширялось обложение гербовым сбором всех актов гражданского состояния и коммерческих сделок [28, с. 110].

Калонн убедил короля о необходимости созыва собрания нотаблей, которое одобрило бы всеобъемлющую программу реформ. Предполагалось, что с помощью реформ увеличатся доходы королевства за счет отмены налоговых льгот для знати и духовенства. Провинциальные ассамблеи, избранные без ссылки на традиционную организацию общества, со-

стоящую из духовенства, знати и третьего сословия, будут устанавливать новый бессословный земельный налог. Этот налог постепенно заменил бы тайю и барщину, которые приходились в основном на крестьянство. Были бы отменены внутренние таможенные барьеры и установлена свободная торговля зерном. Собрание нотаблей не обладало законодательными полномочиями, но Калонн надеялся, что одобрение нотаблями плана реформ будет способствовать общественной поддержке, и парламенты, постоянно находящиеся в оппозиции к налоговым предложениям правительства, прислушаются к ним и зарегистрируют эти нововведения [12, р. 325; 17, р. 132].

Король принял решение о созыве собрания нотаблей, которое должно было поддержать план реформ, и таким образом привело бы к скорейшему воплощению их в жизнь [19, р. 26]. Он обратился к будущим членам собрания нотаблей, был написан ряд писем, в частности к прелатам и знати 29 декабря 1786 г.: «Господа... посчитав, что на благо моих дел и службы и облегчения положения моего народа нужно довести порядок моих финансов и реформы некоторых злоупотреблений до сведения Ассамблеи, людей различного состояния и наиболее квалифицированных в моем государстве, я уверен в вашей преданности и привязанности. Я заявляю, что по этому поводу вы дадите мне новые доказательства этого на собрании 29 января 1787 года в Версале, куда вы поедете с этой целью. Будете присутствовать на указанном открытии и услышите то, что будет предложено от меня» [29, р. 24].

В собрание было приглашено 144 человека, в том числе 7 принцев королевского дома (граф Прованский, президент, граф Д'Артуа, герцог Орлеанский, принц Конде, герцог де Бурбон, принц Конти, герцог де Пантьевр) [30, р. 471]; 13 представителей высшей администрации (маршал Сегюр – военный министр, граф де ла Людерн – морской министр, барон де Бретейль – министр королевского двора, граф де Монморен – министр иностранных дел, Миромениль – министр юстиции, Калонн – генеральный контролер, интенданты и т.д.); 39 представителей дворянства, то есть наиболее древних и влиятельных родов, герцоги и пэры Франции, 11 представителей духовенства (архиепископы и епископы); 34 магистрата парламентов и других палат; 12 – провинциальных штатов; 25 – муниципальных [31, р. 22; 2, с. 399–400; 3, с. 108].

Так как в собраниях нотаблей большую роль играла аристократия, необходимо выяснить состав нотаблей, в частности от дворянского сословия. По «Листу главных представителей, которые должны составлять Собрание нотаблей королевства» от 29 января 1787 г. [32] список включал 7 принцев, возглавляемых бюро, 7 архиепископов, 7 епископов, от дворянства: 7 маршалов Франции – Брольи, Бово, Д'Обетерр, Муши, Стенвиль, Лаваль, Во, титулованные сеньоры: 10 герцогов – де Ниверне, Клермон-Тоннер, Шатле, Круа, Ларошфуко, Шаро, Шабо, Аркур, Лаваль, Люксембург, 13 графов – де Монтбуасье, Перигор, Рошешуар, Мэйи, Шуазель Ла Бом, Пюисегюр, Д'Эгмон, Монтморэн, Круа, Флашланд, Бриенн, Д'Эстэн, Гин, 4 маркиза – Тиер, Буйе, Мирепуа, Ложерон, 1 принц Робек и 1 виконт де Ноай, дальше шли советники короля, представители парламентов Франции.

По «Листу созданных нотаблей», опубликованному в Версале в 1787 г. [33, р. 3–24], было 7 прин-

цев крови, возглавляемых бюро, от дворянства было 3 церковных герцога-пэра (Таллейран-Перигор, архиепископ Реймский, епископ, герцог де Лангр и Сен-Клу, архиепископ Парижа) 6 герцогов-пэров (Монморанси-Люксембург, Бетюн-Шаро, Д'Аркур, Ниверне, Ларошфуко и Рош-Гийон, Клермон-Тоннер), 6 герцогов (Монморанси – принц Робек, герцоги де Круа, де Гин, Шатле Д'Аркур, Шабо, Лаваль); 8 маршалов Франции (Контад, герцог де Брольи, Ноай – герцог де Муши, граф де Мейи, маркиз Д'Обетерр, Бово – маркиз де Краон и барон де Лоркэн, Во – сеньор и граф де Во, граф де Стенвиль), 8 графов (Д'Эгмон, де Перигор, Д'Эстэн, де Тиар, де Пюисегюр, де Монтбуасье, де Рошешуар, де Бриенн), 6 маркизов (де Шуазель Ла Бом, де Ложерон – маркиз де Моливрье, де Буйе, де Мирепуа, де Круа Д'Эшен, де Лафайет) и 1 барон де Флашланд. В конце списка есть примечание: Король сначала назначил графа де Монтморэна, но в промежутке, прошедшем между вызовом знати и открытием собрания, король его назначил министром и государственным секретарем в Министерстве иностранных дел, заменил его маркиз де Гуверне.

Согласно «Листу созданных нотаблей», напечатанному в Парламентских архивах [34, р. 182–183], дворянство было представлено 7 принцами, председателями бюро, 1 пэром – Таллейран-Перигор, архиепископом Реймским, 2 церковными герцогами-пэрами – епископ, герцог де Лангр и герцог Сен-Клу, архиепископ Парижа; 6 герцогами-пэрами (Монморанси-Люксембург, Бетюн-Шаро, Д'Аркур, Ниверне, Ларошфуко и Рош-Гийон, Клермон-Тоннер), 4 герцогами – Монморанси – принцем Робек; герцогами де Круа, де Гин, Шатле Д'Аркур); 8 маршалами Франции (Контад, герцог де Брольи, герцог де Ноай, Мейи, маркиз Д'Обетерр, Бово, Во, граф де Стенвиль) и 16 титулованными дворянами (представители герцогских домов де Роан-Шабо и де Монморанси-Лаваль; маркизы де Лафайет; де Буйе; де Ложерон, маркиз де Моливрье; де Мирепуа; де Шуазель Ла Бом; де Круа Д'Эшен; графы де Тиар, Д'Эстэн, де Пюисегюр, де Монтбуасье, де Рошешуар, де Бриенн, де Перигор, и 1 барон де Флашланд).

Если сравнить эти три списка – предполагаемый на начало открытия Собрания от 29 января 1787 г. и 2 списка созданных нотаблей, то по маршалам есть отличия и в количестве (по первому 7, по остальным 8), и внутри – в частности, в первом списке нет Контада и Мэйи, в последних двух вместо Лавала есть Мэйи, а Муши в последнем списке представлен герцогом де Ноаем. По герцогам: в первом списке не выделяются герцоги-пэры и остальные герцоги, а просто перечисляются 10 герцогов, в последних двух есть это разделение. Во втором списке присутствуют 6 герцогов-пэров и 6 герцогов, в третьем списке выделяют 6 герцогов-пэров и 5 герцогов. В первом списке принц Робек стоит отдельно в конце списка титулованных сеньоров. По графам: в первом списке от дворянства есть граф де Флашланд и граф де Монтморэн, в остальных его нет, в первом списке Шуазель Ла Бом в титуле графа, во последующих в титуле маркиза, как и Круа, во втором и третьем списке появляется граф де Тиар и нет Тьера, также в первом и втором списках есть граф Д'Эгмон, а в третьем его нет, в первом списке Гин граф, в последующих герцог. В первом списке маркизов 4, во втором и третьем 6, в первом нет Лафайетта. В послед-

нем списке Роан-Шабо и Монморанси-Лаваль указаны без титулов, хотя в первом и во втором уточняется, что Роан-Шабо – герцог де Шабо, а Монморанси-Лаваль – герцог де Лаваль. Эти отличия связаны с тем, что не все титулы уточнены и в ряде случаев произошли замены, не везде отмеченные.

Если рассматривать состав собрания нотаблей в литературе, часто дается общее количество представителей дворянства, духовенства, советников короля и парламентариев [7, р. 656] либо выделяют отдельных представителей [21, с. 171], у Ж. Эгрэ [6, р. 16–17], например, по дворянству не учитываются церковные герцоги-пэры.

Многие из приглашенных в собрание были поборниками совершенствований в управлении, реформ, основанных на передовых достижениях экономической и философской мысли, например, герцоги де Монморанси-Люксембург и де Бетюн-Шаро, маркиз де Лафайетт и, конечно, герцог Орлеанский, будущий Филипп-Эгалите [18, р. 94].

Назначенное первоначально на 29 января 1787 г. открытие собрания перенесли на 7 февраля, затем на 22-ое. В письме к принцу Ламбеку от 28 января 1787 г. король писал: «Я решил открыть Собрание нотаблей моего Королевства, которое я созвал, в среду, 7 февраля» [35, р. 29].

В течение всего месяца нотабли, съехавшиеся со всей страны, имели время продумать и определить общие позиции будущей деятельности. Дворянам было достаточно побывать в версальских и парижских салонах, чтобы проникнуться оппозиционным духом.

Собрание должно было действовать по строго предусмотренному сценарию. Члены его были разделены на семь бюро, примерно одинаковых по количественному и социально-профессиональному составу. Бюро возглавляли принцы крови. В обществе расценивали бюро согласно характеру или речи принцев, которые их возглавляли. Их называли бюро монсьора (господина, графа Прованского) – бюро мудрецов; графа Д'Артуа – бюро весельчаков; герцога Орлеанского – бюро скряг; принца Конде – бюро подделок (фальши); герцога де Бурбона – бюро простаков; принца Конти – бюро никаких; герцога де Пантьевра – бюро блюд [30, р. 479; 36, р. 112]. О заседаниях бюро писалось во французской прессе. Так, в заметке от 12 марта 1787 г. сообщалось, что монсьор (граф Прованский) и монсьор граф Д'Артуа отправились на заседания собрания нотаблей во время, указанное королем, причем каждый прибыл туда самостоятельно [37, р. 106].

В первом бюро, возглавляемом графом Прованским, высшее дворянство представлено архиепископом Нарбонским и епископом Неверским, герцогами де Ларошфуко и де Шатле, маршалами де Контандом и де Бово, графом де Бриеном и бароном де Фланшфланданом, далее шли советники короля и представители парламентов без титулов.

Второе бюро возглавлял граф Д'Артуа, включались следующие аристократы: архиепископ Тулузский, архиепископ де Лангр, герцоги Д'Аркур, де Лаваль, де Гин, маршал Стэнвилль, принц де Робек и маркиз де Лафайетт.

Во главе третьего бюро стоял герцог Орлеанский, оно включало титулованную знать: архиепископа Экса, епископа Нанси, герцога де Клермон-Тонерра, маршала де Брولي, графа де Рошешуара, маркиза де Буайе.

Четвертое бюро возглавлял принц де Конде, включало архиепископа Арля и епископа Блуа, герцога де Бетюн-Шаро, маршала Д'Обетерра, графа Д'Эстен, маркиза де Ланжерона, маркиза де Мирепуа.

В пятом бюро председательствовал герцог де Бурбон, входили архиепископ Реймский и епископ Д'Аль, герцог де Ниверне, маршал де Файи, граф Д'Эгмон, граф де Пюисегюр, маркиз де Шуазель-Ла-Бом.

Шестое бюро возглавлял принц де Конти, присутствовали архиепископ Парижский и епископ Родесский, герцоги де Люксембург и де Роан-Шабо, маршал де Во, маркиз де Круа.

В седьмом бюро председательствовал герцог де Пантьевр, оно включало архиепископа Бордо, епископа Пюи, маршала де Муши, герцога де Круа, графа де Перигора, маркиза де Гуверне, графа де Монтбуазье [38].

22 февраля 1787 г. на открытии ассамблеи нотаблей король обратился с речью, раскрывая цель ее созыва: «Я вас выбрал из различных сословий государства и собрал около себя, чтобы вам сообщали мои проекты». Одни должны были улучшить доходы государства и обеспечить третье сословие полным освобождением от налогов через равное распределение налогообложения, имея в виду поземельный налог. Другая часть, по мнению королевской власти, должна освободить торговлю от различных препятствий, которые затрудняли ее обращение, и облегчить положение подданных. Эти проекты несли пользу обществу, и король желал посоветоваться по поводу их исполнения со своими нотаблями. Это должно было способствовать быстрому их введению и, как следствие, улучшению положения в стране, поэтому король просил у своих нотаблей «оставить сословный интерес в обмен на общественное благо» [39, р. 3–4; 26, с. 162]. Как само открытие собрания нотаблей, так и заседания активно обсуждались в обществе. Хотя заседания были закрытыми, текст речей часто попадал в прессу [40, р. 81].

Калонн на открытии первого заседания объявил, что нотабли должны своими действиями улучшить положение в стране. «Именно в злоупотреблениях находится запас богатств, которых государство вправе требовать обратно, они должны послужить для восстановления порядка. В уничтожении злоупотреблений заключается единственное средство для удовлетворения всех нужд. Эти злоупотребления тяготят над производственным и общественным классом: во-первых, злоупотребление податными привилегиями; далее – общее неравенство в распределении податей и огромная диспропорция между налогами различных провинций и подданных короля; следующее, – внутренние таможи и заставы, делающие различные части королевства чужими друг другу». Он заявил, что его намерение состоит в том, чтобы при содействии собрания нотаблей организовать требуемые всеми провинциальные собрания; распространить поземельную подать на все недвижимое имущество без различия звания владельцев; облегчить тайю, которая сделалась слишком обременительной для народа, и заменить натуральные повинности денежной податью. Генеральный контролер финансов огласил цифру бюджетного дефицита – 114 866 000 ливров [41, р. 49–55; 30, р. 477–478]. Калонн заявил, что каждый год дефицит составляет до 80 млн ливров [42, р. 85; 26, с. 163].

Пленарные заседания нотаблей проходили в Версале, в доме Малых забав, до того служившем для

хранения декораций версальской оперы. Пол в зале заседаний был двухуровневым, так, чтобы королевский трон и места для принцев крови, членов королевского совета, маршалов и пэров Франции располагались на возвышении. Общение короля с нотаблями следовало такому же протоколу, что и его диалог с магистратами во время «ложы правосудия». В соответствии со сложившейся традицией, вступительное и заключительное слово короля обычно было кратким [23, с. 74].

Нотабли заявили, что они не могут обсуждать реформы без проверки дефицита и полного отчета правительства о состоянии финансов.

Конфликт между правительством и нотаблями завязался вокруг проекта о провинциальных собраниях и всеобщем земельном налоге. Сама идея провинциального местного самоуправления разрабатывалась физиократами, была известна и принята просвещенным общественным мнением. В собрании нотаблей идея новой местной администрации (без упразднения старой) вызвала возражение лишь в кругах провинциальной парламентской магистратуры, опасавшейся конкуренции нового учреждения. Большинство нотаблей принимало ее в принципе, но не одобряло планируемых правительством реформ. Все без исключения бюро отвергли восходящий к Тюрго бессословный принцип организации собраний – «нарушение французской конституции, который посредством трех сословий разрушает иерархию, необходимую для поддержания власти монарха и существования монархии» (из постановлений пятого бюро) [43, р. 20–21; 6, р. 39–41].

Нотабли потребовали также, чтобы председатели выступали в провинциальных собраниях только представители высших сословий, в частности дворянства [44, р. 2]. Сохранились свидетельства, что даже призванные либералы, вроде Лафайета, сочли проект Калонна слишком радикальным, а потому неприемлемым. Вместе с тем в противовес правительственному плану нотабли предлагали удвоение числа представителей третьего сословия по сравнению с первыми двумя [45, р. 21], а первое и третье бюро заявили, чтобы третье сословие имело столько же представителей, сколько два других вместе взятых, и чтобы по крайней мере две трети третьего сословия бралось из числа владельцев загородной недвижимости [46, р. 18]. Причем они принимали идею поголовного голосования, а не посословных заседаний. Все нотабли были единодушны в требовании созыва Генеральных штатов и проверки государственных расходов. Но среди них не имелось единства в принципиальном отношении ко всеобщему бессословному налогу, у которого в собрании было немало сторонников. В их числе были знаменитые аристократы-либералы и государственные чиновники, сторонники Калонна.

Причем если в вопросе о провинциальных собраниях нотабли-либералы не поддержали правительственный проект, который считали радикальным, то при обсуждении введения поземельного налога они критиковали план Калонна «слева», призывая к более последовательному реформированию, то есть к выполнению принципа физиократов и сбору налога в денежной форме. Второе бюро заявило, что натуральная субсидия недопустима и что, если необходимо преобразование двадцатины в другой налог, он может быть установлен только в денежном выражении [47, р. 36]. Одновременно с этим в собрании раз-

давались голоса, предлагавшие распространить дорожную барщину, переведенную в денежную форму, на привилегированных, как предлагал Тюрго, вместо простого превращения ее в прибавку к тайе, как было предусмотрено [26, с. 165].

Нужно отметить распространенность владения землей во Франции в конце Старого порядка: духовенство – 10%, дворянство – 20–25%, буржуазия – 30%, крестьянство от 40 до 45% земли. В разных провинциях по-разному шло обложение земли, разные группы несли налоговую нагрузку, хотя и неравномерно. Таким образом, к 1787 г. знатные люди, которые были дворянами и «привилегированными», уже были налогоплательщиками, хотя платили меньшую долю, чем крестьянство [11, р. 266].

«Бюро графа Прованского считает, что оно должно показать королю рвение знати и магистратуры к его службе и, следовательно, их желание участвовать в благах намерениях Его Величества по облегчению бремени народа и побудить не освобождать их от капитуляции, если люди должны быть обложены каким-то налогом, то более удачливым, чтобы принести эту жертву Королю и тем самым внести свой вклад в блага, которые Его Величество желает распределить на наиболее нуждающуюся часть ваших подданных» [48, р. 28].

В первые недели работы собрания известные деятели выступили против «бессрочного» поземельного налога, высказывались за установление периодического контроля через согласие на налогообложение, в последние недели, с конца апреля по 23 мая, нотабли намеревались внедрить ежегодный контроль над государственными расходами [11, р. 269].

Одобрение идеи поземельного налога нашло отражение и в некоторых документах нотаблей. «Бюро единодушно высказалось за то, что субсидия, которая будет сочтена необходимой для нужд государства, должна быть распределена деньгами по всем землям Королевства без каких-либо исключений и в других краях пропорционально доходу владельцев» [49, р. 46]. Далеко не все члены собрания придерживались этой точки зрения. Было также заметно и явное нежелание участвовать в государственных расходах, которое прикрывалось иногда ссылками в пользу сохранения «старинных учреждений», а иногда и просветительской фразой.

Как и в вопросе о провинциальной администрации, правительство не смогло договориться с собранием не из-за принципиальных расхождений с большинством его членов. Дело было в их общем нежелании сотрудничать с монархией, в неприятии ими абсолютистских методов управления. Некоторые из нотаблей были просто не готовы реально, а не на словах, расстаться со своими привилегиями.

Аристократия высказывалась не только за сохранение своих привилегий, в частности налоговых, но и выдвинула широкую политическую и экономическую программу по предлагаемому плану Калонна. В частности, как видно из постановлений бюро, они высказывались против натурального налога, который будет сложен в реализации, беспокоились, кто и как будет присваивать статус землям (плодородная, менее плодородная и худшая, отсюда налоговый сбор с лучшей 1/20, со средней 1/30–1/35 и бедной 1/50), как будет проходить этот сбор и кто будет контролировать сборщиков, и в целом выдвигали идею, что новый налог ляжет тяжелым бременем именно на крестьянство. Фискальный мятеж знати против все-

общего земельного налога возник как политический протест против абсолютистской и централизованной монархии Бурбонов.

По вопросу о тайи также не было полного одобрения проекта, бюро графа Прованского придерживалось мнения, что нужно выразить благодарность королю за заботу о подданных и представить ему, что тайя должна быть передана Ассамблеям провинции после того, как Его Величество дал им точные инструкции по этому вопросу [50, р. 62–68]. Бюро графа Д'Артуа заявило, что отдает дань уважения отцовским взглядам Короля на помощь беднейшим из его подданных, но налог должен выплачиваться всеми, кто платил тайю без предпочтений в равной мере [51, р. 69].

Лафайет в своем «Списке», в период созыва нотаблей, критиковал министров и королевскую власть в целом за сложившееся положение кризиса в стране. Маркиз де Лафайет предлагал королю в своем послании вместо увеличения королевского домена, покупки которого совершались у разорившейся части аристократии (когда цены на земли и леса были завышенными), его продажи и требовал наведения порядка в государственном управлении и контроля над министрами. «Я прошу серьезного рассмотрения среди министров моего заявления и повторяю с двойной уверенностью мнение, что растроченные миллионы ведут к повышению налогов. Увеличение налогов может проводиться только по истинным нуждам государства, но большинство средств растрачивается легкомысленно, когда алчность делается плодом пота и слез, а может быть и крови народа, его несчастий» [52, р. 13–14]. Так маркиз в своем обращении на имя короля открыто критиковал действия королевской власти, приведшие страну к экономическому кризису и повышению налогов, которые все более становились бременем для народа.

К середине марта Калонн, видя сопротивление большинства нотаблей реформам, решил опубликовать памфлет «Письмо одного англичанина в Париж», обращенный к общественному мнению, защищавший правительственные проекты и критикующий нежелание нотаблей идти на налоговые уступки, выступал против сословных привилегий как дворянства, так и духовенства, говоря о том, что вводимые реформы помогут снизить налоги на 30 млн ливров в год [53]. Апелляция к общественному мнению свидетельствует об отсутствии у монархии действенных средств массовой информации, о возникших трудностях Калонна с нотаблями и решением их исправить, представив на общественный суд конкретные идеи и показав эгоистические мотивы нотаблей сохранить свои привилегии [18, р. 93–94]. Этот памфлет, составленный, как говорят, Жеррье, выступал против привилегий и объявлял о желании правительства их отменить. Утром 2 апреля при обсуждении в бюро знать и духовенство выступили против «Предисловия» Жеррье: от первого бюро архиепископ Нарбонский, герцог де Ларошфуко, принц де Бово, граф де Бриенн, герцог де Шатле, второе бюро подписало постановление протеста, составленное Ломени де Бриенном; в пятом бюро выступили против герцог де Ниверне и де Босселем, епископ Алэ, в седьмом бюро – архиепископ Бордо, Шампьон де Ситэ. Позже было принято общее постановление протеста. Если граф Д'Артуа продолжал защищать Калонна и смягчил остроту текста, составленного против министра архиепископом Тулузы, большая

часть принцев крови подчинилась обстоятельствам. В собраниях стали звучать призывы отказаться от налоговых привилегий вообще, в осторожной форме выраженные в официальных документах, но недвусмысленно повторенные в политическом дневнике Ломени де Бриенна: «Привилегированные, начиная с принцев, заявили, что они не желают больше пользоваться привилегиями, которые освобождают их от уплаты налогов в равной пропорции с остальными гражданами». Свидетельства постановлений бюро и де Бриенна показывают, что данная точка зрения имела место [21, с. 182–183].

В своих возражениях против «Предисловия Жеррье» нотабли, вынужденные оправдываться перед общественным мнением, сами стали выдвигать идею равенства налогообложения сословий. Третье бюро, например, писало: «...что касается поземельного налога, собираемого в денежной форме, то если две двадцатины, существующие в настоящее время, должны быть распределены между всеми налогоплательщиками с равной долей по этому вопросу, то распределение идеального равенства является строгое правосудие, и доброта Короля достойна того, чтобы позаботиться обо всех средствах для обеспечения этого равенства» [54, р. 38]. Оно хотело сохранения старых форм при условии, чтобы их участие в общественных повинностях было пропорционально участью других граждан.

В результате финансовой проверки выяснилось, что Калонн был замешан в спекуляциях на бирже аббата Эспаньяка с акциями Индийской компании, он использовал государственные деньги для манипулирования фондовым рынком [15, р. 150]. Маркиз де Мирабо в своем «Разоблачении ажиотажа», памфлете, написанном в противовес «Предисловию Жеррье», обвинял Калонна в игре на бирже с государственными бумагами [55, р. 55–56, 76]. Калонна отстранили от занимаемой им должности 9 апреля 1787 г. Его реформы в целом не были приняты. Новым генеральным контролером финансов назначили Ломени де Бриенна, архиепископа Тулузского.

Бриенн, пользуясь моментом затишья, получил от нотаблей и парламента 67-миллионный заем в виде пожизненного рента, который позволил временно избежать банкротства [5, р. 45]. Но он вынужден был обратиться к проектам предшественника, так как страна находилась в кризисе. Ломени де Бриенн создал провинциальные собрания, в которых третье сословие имело представительство, равное двум привилегированным сословиям вместе взятым. Натуральные повинности заменили денежным налогом. Наконец, он хотел привлечь духовенство и дворянство к уплате поземельного налога, что не встретило поддержки у нотаблей. Из семи бюро только одно приняло новый проект поземельного налога, остальные заявили, что не имеют права согласиться с ним. Это означало апелляцию к Генеральным штатам [17, р. 132]. Но король и двор опасались Генеральных штатов [26, с. 166–167].

Бриенн предпочел распустить нотаблей 25 мая 1787 г. В «Gazette de France» об этом писалось, что большинством собрания нотаблей было принято решение о его закрытии, все свои размышления бюро передали королю через графа Прованского [56, р. 197–198]. Король в своей речи, обращаясь к нотаблям, сказал: «Я выбрал вас, способных сказать мне правду, поскольку я хотел ее услышать. Я был

доволен вашим рвением и вашим вниманием к исследованию различных вопросов, в том числе объявленных вами злоупотреблений, чтобы их исправить ... Нужно выровнять доходы и расходы. Это то, что вы подготовили, заметив дефицит, и выдвинули свои предложения для решения этих вопросов» [57, р. 3–4].

В заключительной речи Ламуайона, хранителя печати Франции, говорится об итогах собрания нотаблей, в частности: «Будут введены новые реформы. Барщина объявлена вне закона, габель считается препятствием для внутренней и внешней торговли – они будут устранены. В сельском хозяйстве введен свободный вывоз зерна. Верховная Власть Его Величества предоставит Администрациям провинций полномочия. Они должны гарантировать общественное благополучие. Принципы французской конституции будут соблюдаться при формировании этих Ассамблей. Они продемонстрируют просвещенную любовь к общественному благу» [58, р. 8–10].

Калонн предложил собранию нотаблей решения, которые те не могли принять, так как эти меры затрагивали личные интересы привилегированных сословий, как в отношении финансов, так и в целом их престижа и статуса. Если бы его предложения были реализованы, то во Франции создалась бы абсолютная монархия, у которой финансовые рычаги управления сосредоточены в руках монарха, такая, какую позже создаст Наполеон [13, р. 84–89].

Согласие нотаблей с планом Калонна, а затем и де Бриенна могло бы изменить ситуацию. Во-первых, принятие всеобщего поземельного налога помогло бы правительству избавиться от дефицита; во-вторых, пропорциональное распределение налогов способствовало бы облегчению положения третьего сословия; в-третьих, повысился бы авторитет королевской власти; в-четвертых, все общественное недовольство было бы сведено к минимуму. Провал реформ, недовольство королевской администрацией, а впоследствии и королевской властью вели к росту нестабильности в стране и в конечном счете к революции.

Таким образом, собрание нотаблей не решило проблем, а только их усугубило. Нежелание нотаблей идти на уступки абсолютистской королевской власти показало оппозиционность аристократии режиму. Несмотря на то, что среди аристократов были представители как либерального, так и реакционного крыла, высшее дворянство не одобрило проекты правительственных реформ в силу своих сословных интересов, антиабсолютистских позиций и общего недоверия к королевской власти.

Список литературы:

1. Тэн И.А. Происхождение современной Франции. Т. I. Старый порядок. СПб.: Типография П.К. Пантелева, 1907. 295 с.
2. Шлоссер Ф.К. История XVII столетия и XIX до падения Французской империи. Т. 1. СПб.: Издание книжного магазина Черкесова, 1868. 493 с.
3. Шерэ Э. Падение старого режима (1787–1789). Т. 1. СПб.: Издание акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1907. 387 с.
4. Де Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Моск. философ. фонд, 1997. 251 с.
5. Матъез А. Французская революция. Т. 1. Падение королевской власти (1787–1792). Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 576 с.
6. Egret J. La Pré-révolution française: 1787–1788. Paris: Presses universitaires de France, 1962. 400 p.
7. Mousnier R.E. The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598–1789. Vol. II. The Organs of Sta-

te and Society. Chicago-London. The University of Chicago Press, 1984. 695 p.

8. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.

9. Тилли Ч. От мобилизации к революции / под науч. ред. С. Моисеева; пер. с англ. Д. Карасева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 429 с.

10. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. / под науч. ред. Д.Ю. Карасева; пер. с англ. А.В. Лазарева. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга первая). М.: Дело, 2018. 513 с.

11. Gruder V.R. 'No taxation without representation': the assembly of Notables of 1787 and political ideology // Legislative Studies Quarterly. 1982. Vol. 7, № 2. P. 263–279.

12. Gruder V.R. Paths to political consciousness: the assembly of Notables of 1787 and the 'Pre-Revolution' in France // French Historical Studies. 1984. Vol. 13, № 3. P. 323–355.

13. Hardman J. French Politics 1774–1789. From the accession of Louis XVI to fall of the Bastille. London-N.Y.: Longman, 1995. 283 p.

14. Walton Ch. Policing public opinion in the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2009. 335 p.

15. From deficit to deluge: the origins of the French Revolution / edited Th.E. Kaiser, D.K. Van Kley. Stanford: Stanford University Press, 2011. 345 p.

16. Anderson J.M. Daily life during the French Revolution. Westport-London: Greenwood Press, 2007. 297 p.

17. Andress D. The Oxford handbook of the French revolution. Oxford: Oxford University Press, 2015. 683 p.

18. Le livre noir de la évolution française / sous la direction de R. Escande. Paris: Les Éditions du Cerf, 2008. 882 p.

19. Coquard O. Quand le monde a basculé. Nouvelle Histoire de la Révolution française 1789–1799. Paris: Éditions Tallandier, 2015. 302 p.

20. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 т. Т. 3: Восемнадцатый век и Французская революция. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 660 с.

21. Лебедева Е.И. Собрание нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства // Французский ежегодник 1985. М., 1987. С. 170–192.

22. Лебедева Е.И. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции // Французская революция XVIII в.: экономика, политика. Идеология. М.: Наука, 1988. С. 75–94.

23. Пименова Л.А. Как говорил король // Французский ежегодник 2015: к 225-летию Французской революции / под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 63–94.

24. Пименова Л.А. Королевский дом во Франции XVIII в.: эволюция государственного аппарата на примере истории одного ведомства // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017. № 2 (7). С. 105–131.

25. Блуменау С.Ф. Отношение общества к королевским министрам накануне и в начале французской революции XVIII века // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 11–15.

26. Куцева Е.А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2006. 217 с.

27. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.

28. Талейран Ш.М. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М.: Ин-т международных отношений, 1959. 437 с.

29. Lettre du Roi pour le Prélats et nobles, auxquels le Roi ne donne qualité de Mon Cousin // Procès-verbal de l'Assemblée de notables, tenue à Versailles, en l'année 1787. Paris: L'imprimerie royale, 1787. 267 p.
30. Chroniques pittoresques et critiques de L'Oeil de Boeuf, de petits appartements de la cours et des salons de Paris, sous Louis XIV, la Régence, Louis XV et Louis XVI. T. 4. Paris: G. Barra, éditeur, 1845. 541 p.
31. Annales de la politique de la Monarchie française ou: Recueil abrégé des Ecrits et Faits les plus remarquables, concernant l'Assemblée nationale de la France. Vol. 1. Francfort-sur-le Main, 1789. 101 p.
32. Liste des principaux personnages, qui doivent composer l'Assemblée des notables du royaume: convoquée par ordre du roi, le lundi 29 janvier 1787. Paris, 1787. 1 p.
33. Liste des nonables convoqués // Procès-verbal de l'Assemblée de notables, tenue à Versailles, en l'année 1787. Paris: De l'Imprimerie du Roi, 1787. 267 p.
34. Liste des nonables convoqués // Archives parlementaires, de 1787 a 1860; Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres franchises Fondé par J. Madival, E. Laurent. Series 1 (1787 à 1799), Vol. 1. Paris: Librairie administrative de P. Dupont, 1879. 794 p.
35. Lettre du Roi à Monseigneur le prince de Lambec // Procès-verbal de l'Assemblée de notables, tenue à Versailles, en l'année 1787. Paris: De l'Imprimerie du Roi, 1787. 267 p.
36. De Versailles, le 27 février 1787 // Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette. La cour et la ville de 1777 à 1792. T. 2. Paris, 1866. 800 p.
37. De Versailles, le 14 mars 1787 // Gazette de France. 1787, 16 mars. № 22. Paris: de imprimerie du cabiner du Roi, 1787. P. 103–106.
38. Liste des notables composant l'assemblée partagée en sept bureaux, avec leurs demeures à Versailles. Lyon: De l'Imprimerie du Roi, 1787. 8 p.
39. Discours du Roi // Discours prononcés par Sa Majesté Louis XVI, monseigneur l'Archevêque de Narbonne et M. de Calonne, contraleur général des finances, dans l'Assemblée des Notables, tenue à Versailles 22 février 1787. Versailles: De l'Impimerie de Ph.-D. Pierres, 1787. 55 p.
40. Discours du Roi, à l'Assemblée des Notables, tenue à Versailles 22 février 1787 // Gazette de France. 1787, 2 mars. № 18. Paris: de imprimerie du cabiner du Roi, 1787. P. 81.
41. Discours du M. de Calonne, contraleur général des finances // Discours prononcés par Sa Majesté Louis XVI, monseigneur l'Archevêque de Narbonne et M. de Calonne, contraleur général des finances, dans l'Assemblée des Notables, tenue à Versailles 22 février 1787. Versailles: De l'Impimerie de Ph.-D. Pierres, 1787. 55 p.
42. Discours prononcé par l'ordre du Roi et sa présence, par M. de Calonne, Contraleur général des Finances, dans l'Assemblée des Notables, tenue à Versailles, le 22 février 1787 // Gazette de France. 1787, 2 mars. № 18. Paris: de imprimerie du cabiner du Roi, 1787. P. 81–89.
43. Asemblées provinciales. Bureau de monsieur le duc de Bourbon. 24–27 Février 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables: sur les mémoires remis à l'Assemblée ouverte par le roi, a Versailles, le 23 février 1787. A Versailles: de l'imprimerie DE PH. D. Pierres, Premier Imprimeur Ordinaire du RoI, 1787. P. 20–23.
44. Asemblées Provinciales, Bureau de Monsieur. 27 Février 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 2–3.
45. Asemblées Provinciales, Bureau de monsieur le duc de Bourbon. 27 Février 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 20–23.
46. Asemblées Provinciales, Bureau de monsieur le duc D'Orléans. 27 Février 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 18–19.
47. Impôt de territorial. Résumé de Bureau de monseigneur comte D'Artois // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 36–37.
48. Impôt de territorial. Bureau de Monsieur. 1 mars 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 27–28.
49. Impôt de territorial. Bureau de monsieur le duc de Bourbon 5 Mars 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 41–46.
50. Taille le bureau de Monsieur. 28 Mars 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 61–68.
51. Taille le bureau de monseigneur comte D'Artois. 6 Mars 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables. 1787. P. 68–69.
52. Mémoire de M. le marquis La Fayette. S.l., s. a. 14 p.
53. Lettre d'un Anglois à Paris. Londres, 1787. 24 p.
54. Impôt de territorial. Bureau de monsieur le duc D'Orléans. 5 Mars 1787 // Observations présentées au roi par les bureaux de l'Assemblée des notables: sur les mémoires remis à l'Assemblée ouverte par le roi, a Versailles, le 23 février 1787.
55. Dénonciation l agiotage au roi et à l'Assemblée des notables par le comte de Mirabeau. S.l., s. éd. 1787. 150 p.
56. De Versailles, le 27 mai 1787 // Gazette de France. 1787, 29 mai. № 43. Paris: de imprimerie du cabiner du Roi, 1787. P. 197–198.
57. Discours de Roi // Discours prononcés à l'Assemblée de Notables, du vendredi 25 mai 1787 a Verssaille: De l'imprimerie de Philippe-Denys Pierres, 1787. P. 3–4.
58. Discours de M. de Lamoignon, Garde des Sceaux de France // Discours prononcés à l'Assemblée de Notables, du vendredi 25 mai 1787 a Verssaille: De l'imprimerie de Philippe-Denys Pierres, 1787. P. 5–10.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Куцева Елена Александровна , кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: eakuceva@mail.ru.	Koutseva Elena Aleksandrovna , candidate of historical sciences, associate professor of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: eakuceva@mail.ru.

Для цитирования:

Куцева Е.А. Позиция французской аристократии по проектам реформ, представленным на собрании нотаблей 1787 года // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 237–244. DOI: 10.17816/snv2021101209.